

ЛЕСКОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ-150Вкусы и пристрастия
Николая Семеновича Лескова

«...ЗНАК РАДОСТИ И ПРИБЫЛИ»

Вещи выдают их хозяина. Белая комната под сводами в Ясной Поляне Л. Н. Толстого аскетически пуста, трудно представить ее иной. Изящно, просто, строго убранство квартиры Чехова... Печать беззаботной бесхозяйственности лежит на вещах в Спасском-Лутовинове, а за окном шумит типично тургеневский парк с легкими кружевными тканями ветвей лип на дорожках...

Кабинет Лескова был с «пересолом». Иконы, статуэтки, картины, книги лепились по стенам, тесно прижимались друг к другу, отнимали все свободное пространство. Со стен предметы нависали над столом. Здесь уже вольготнее чувствуют себя избранники: портрет А. Толстого, бюст Сенеки, черно-силуэтные рисунки Е. М. Бам к поэме Лескова «Оскорбленная Нэтетта». Часы наперебой отстукивали время из разных углов комнаты. Задорно кричала в клетке птица. Обилие ламп. Студия — все разнообразной формы. На полу ковер с причудливым узором.

Стиль жизни — стиль прозы. Житейская обстановка как-то понятней делает писательскую манеру Лескова, особенности его литературного мастерства. Его искусство — осязимо предметное, «вещное», с плотным густым замесом деталей. Но подробностей не мельчат его искусства, а наоборот, возвышают, одухотворяют, потому что их вязь пронизана большой философской мыслью.

Вещи покупались по страстному увлечению: поразила ли взгляд копия картины Рембрандта, привел ли в восторг позеленевший шандал XVII века, или старинное шитье с кружевами, понравилась ли майоликовая женская головка в малиновом кошениле и ярком шугае — все приобреталось с ходу.

Причудливый набор вещей в его кабинете верно выражал «непретерпимый» характер хозяина. Это родство предметов и человека замечено современниками: «Вся его обстановка, его язык, все, что составляло его жизнь, было нестро, фантастично, неожиданно... как единственный в своем роде храм Василия Блаженного».

В отличие от вещей книги приобретались неторопливо и продуманно. Около трех тысяч томов заполняли его квартиру, и это был не мертвый клад библиомана, а живое богатство, изучаемое с жадностью каждый день. Бесцеремонного гостя предупреждала картонка с надписью: «Все, кроме книг». А рядом с «Народными русскими легендами» было вывешено еще и воззвание, крик души: «Добрые люди! Не крадите у меня эту книжку, уже три такие книжки украдены. О сем смиренно просит Николай Лесков (цена 87)».

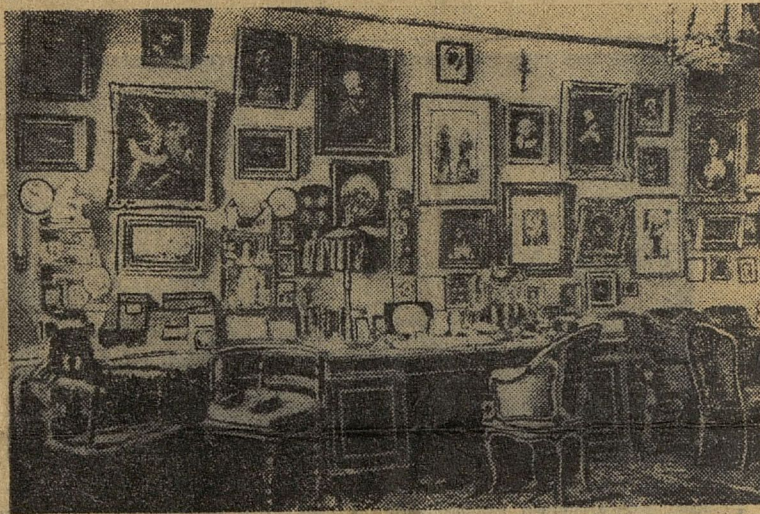
По каталогам, которые выпускал книготорговец, Лесков отмечал множество изданий и очень огорчался, когда оболюбленные книги оказывались проданными. На раритеты он ставил штемпель «Радость» и свой адрес: «Фурштадская, 50, квартира 4». К ним относились герценовское лондонское издание «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова, «Путешествие из Петербурга в Москву» с предисловием Искандера, первый оттиск комедии «Горе от ума», «Записки декабриста» барона А. Е. Розена (лейпцигское издание, запрещенное в России) и многие другие. К раритетам причислялись и довольно курьезные издания, в том числе «Новый и подробный Сонник». Об этом толстом томе следует упомянуть, потому что

в нем сочувственно отмечены строки: «Книги читать знак радости и прибыли».

В орловском музее И. С. Тургенева — около трехсот книг из библиотеки Н. С. Лескова. Их передала сюда А. И. Лескова, вдова сына писателя. Это лишь остатки бывшего богатства, всего только десятая часть его. Здесь, конечно, многого недостает, но зато нет ничего лишнего или случайного, потому-то и они дают немало материала для суждений об их владельце. Вглядымся же в их страницы, вслушаемся в ход мыслей читающего писателя...

Почти все книги, принадлежавшие Лескову, испещрены пометками. И какими! Не просто беглый отчерк, а твердое построчное подчеркивание синим, крас-

да его начинали подавлять суэта, связывать узкие интересы литературных группировок, тяготить общение с теми, кого он мало уважал и чей взгляд на искусство был губителен, как канцелярский циркуляр. Нет, он не изменял себе, но надо было бежать от М. Каткова, А. Толстого, К. Победоносцева, с которыми его свела судьба, и он хорошо понимал Сенеку, тяготившегося двором Нерона и стремившегося порвать с безрассудным императором. «Для праведной жизни надо бежать от людей и тем более от двора», — жирно подчеркивает он в предисловии к книге. И далее отмечено: «Я указываю другим истинный путь, который я сам нашел поздно, уже утомленный блужданием, и кричу: **Бегите того, что нравится черни.**» (Слову «чернь» Лесков придавал такое же значение, как и Пушкин).

Кабинет Николая Семеновича ЛЕСКОВА.

ным, серым карандашом, проведенное часто по линейке. Отмеченные на полях абзацы, беглые замечания, каллиграфически выведенные NB. По этим пометкам можно судить о лесковских мыслях, настроениях, кругах интересов — в сущности, о всем его мирозерцании.

Кто же из авторов особенно любим, с кем охотнее всего беседует Лесков?

К концу жизни (большинство сохранившихся книг приобретено писателем под старость) любимыми стали древние мудрецы — Сенека, Марк Аврелий, а также произведение английского историка Томаса Карлейля, дневник швейцарского ученого Генри Амизля, «полный жизни, мудрости, поучительности, утешения» — по словам А. Толстого.

Книга Сенеки «Избранные письма к Люцилию» была дешевым карманным изданием. Так как она не вмещала всех писем Сенеки, а предлагала лишь отдельные избранные, Лесков, не удовлетворенный этим, написал внутри на обложке: «Здесь нет писем, в которых важно место, централизованное философское взгляд Сенеки: «Всякий раз, как ты хочешь знать, чего нужно избегать или чего домогаться, обращай взором к высшему благу и к цели всей твоей жизни» (так общего совета дать нельзя, ибо всякий совет должен быть приурочен к обстоятельствам, а они меняются)». Лесков словно выверял, правильно ли он жил, не сбивали ли его с пути меняющиеся обстоятельства, вполне ли стремился к высшей цели своей жизни. Писатель вспоминал те редкие минуты жизни, когда он, казалось, забыл о своем предназначении, ког-

да его начинали подавлять суэта, связывать узкие интересы литературных группировок, тяготить общение с теми, кого он мало уважал и чей взгляд на искусство был губителен, как канцелярский циркуляр. Нет, он не изменял себе, но надо было бежать от М. Каткова, А. Толстого, К. Победоносцева, с которыми его свела судьба, и он хорошо понимал Сенеку, тяготившегося двором Нерона и стремившегося порвать с безрассудным императором. «Для праведной жизни надо бежать от людей и тем более от двора», — жирно подчеркивает он в предисловии к книге. И далее отмечено: «Я указываю другим истинный путь, который я сам нашел поздно, уже утомленный блужданием, и кричу: **Бегите того, что нравится черни.**» (Слову «чернь» Лесков придавал такое же значение, как и Пушкин).

Что же такое благо, задает вопрос вместе с древним мудрецом писатель, и вместе с ним же отвечает: «Оно в спокойной совести, в честном образе мыслей, в праведных поступках, в презрении к удачам жизни, в тихом умеренном образе жизни, имеющей одну цель».

Может показаться, что Лесков зовет к тишине, к отрешенности от жизни, к отказу от борьбы, к безучастию. Нет, отмеченные писателем строки свидетельствуют о другом: «Мудрец напоминает, однако, что самому следует быть благожелательным и участливым к людям, «Не могу не вспомнить по этому случаю стоика Деметрия, который тихую и лишенную всяких испытаний жизнь называл мертвым морем». И дальше: «Признаюсь тебе, читая Секстия, я прихожу в такое настроение, что готов вызвать на

бой все превратности судьбы, готов кричать: «Что ты медлишь, о судьба! Выходи на бой!»

Нет, праведничество для Лескова — не тихая обитель, защита от всех житейских бурь и испытаний! Он подчеркивает: «Но праведная жизнь складывается из многих элементов: тут и темницы Регула, и самоубийство Катона, и ссылка Рутилия, и чаша яду, перенесшая Сократа из тюрьмы на небо. Пожелав себе праведной жизни, я пожал бы себе и всего этого, так иначе жизнь не была бы праведна». Лесков словно пугается свода умеренных правил, будто спохватывается, что жизнь от постного морализаторства вдруг потеряет блеск красок и сам он превратится в скучного проповедника. Темпераментно выводит виньетку NB — хорошо сказано!

Но тот же нетерпеливый человек, страстный художник стареет и ищет ясного, спокойного, умудренного взгляда на мир...

Критицизм, отрицание, нигилизм имеют мало ценности для Лескова. Он гневается, когда видит зло, он язвителен и резок, но при этом не забывает, что «смех и горе» — плохая почва жизни. Он помнит о «болезни зрения» у Писемского, который видит вокруг только «гадость». Он читает «Дневник Г. Амизля» и находит созвучные своему настроению слова: «Критицизм, ставший привычкой, типом и системой, становится уничтожением нравственной энергии, веры и всякой силы». В очерке Т. Карлейля о Вольтере он продолжает искать ответа на мучившие его мысли и жирной синей чертой отмечает: «Не осмеивай и отрицанием, но более глубоким, серьезным и божественным средством создается что-нибудь великое для человечества...» И далее: «Поэтому-то и справедливо, что самая глубокая и могучая сила есть сила мирная, и кротко сияющий луч спокойно совершает то, чего не в состоянии сделать свирепая буря».

Лесков ищет гармонию. Ему претит односторонний резкий взгляд на мир, он соглашается с Карлейлем, который так оценивает Вольтера и его способность к презрительной насмешке: «Презрение — опасная стихия, чтоб ею играть — смертельная, если мы привыкнем жить в ней».

Опасны всевозможные отвлеченные теории, различные умствования, убежден Лесков. Ум без сердца не может радоваться человеку. Поэтому вслед за Карлейлем он не приемлет скептицизма Вольтера и его «чисто делового», рационалистического художественного метода, где «предметы сгруппированы не живописно, но... размещены удобно и искусно, как товар в порядочном магазине. Мы можем сказать, что здесь преобладают не естественная симметрия дубового леса, а однообразная искусственная симметрия канцелярии». Лескову дорого искусство, которое рождается не игрой ума, а кровью сердца. Он хочет видеть в людях добрых действователей, а не холодных насмешников.

О чем бы ни размышлял Лесков с карандашом в руках, его богиня — нравственность. Других мерок он не признает и русскую историю он судит только так.

Читая «Записки декабриста» Розена, он восхищается моральной силой декабристов. Его волнуют душевные муки первого русского революционера А. Радинцева, он разделяет негодова-

ние князя Щербатова по поводу «повреждения нравов в России». Социально-политических оценок почти нет, Лесков остается моралистом, но моралистом страстным, не равнодушным к нравственному развитию общества.

Резко и безоговорочно он лишает всяких сочувственных оценок время Екатерины II. Заслуг либеральной царицы он не хочет замечать: она лицемерна, развращена — и этому нет оправдания.

Он внимательно следит за «желчевым увлечением» князя Щербатова, когда тот живописует нравы двора Екатерины, но сочувствие Лескова исчезает, лишь только князь Щербатов начинает идеализировать допетровскую Русь.

Книги собирались в течение многих лет. Тщательно прочитанные, глубоко изученные, они дали обширные знания писателю, стали своеобразным сводом нравственных правил. И, пожалуй, самым замечательным правилом для него были слова Гёте: «Высшее уважение автора к публике проявляется в том, что он никогда не приносит того, чего ждут от него, а всегда лишь то, что он считает нужным и полезным на данной ступени своего и общего развития». Рядом на полях — пометка Лескова «А.Н.Т.» — Лев Николаевич Толстой. Это означает: завету Гёте следовал А. Толстой. Это маленькое дополнение — еще одно свидетельство той любви и того уважения, с каким Лесков относился к великому русскому писателю.

Книги сыграли огромную роль в судьбе Лескова. Они заменили ему систематическое образование, послужили опорой в жизненных передрягах, на перепутье. Лесков был в долгой соре с демократами (Д. Писаревым, Н. Некрасовым). Не сразу, но решительно порвал с реакционерами (М. Катковым, А. Толстым, К. Победоносцевым), и было время, когда он оказался, в сущности, вне общественных лагерей. «Мне деваться некуда!» — в отчаянии восклицал он. Спаса крепкая связь с родной землей, спасли книги, спасла дружба с А. Толстым.

Одна из главных тем его творчества — поиск праведного человека — родилась в тесном сплетении жизни и книги. Мысли античных философов, рассказы очевидцев-современников, воспоминания об орловской старине, древнерусские житийные сборники XII—XIII веков — все служило Лескову материалом для создания произведений о людях, без которых «не стоит город». Все шло в дело, всякая глина годилась мастеру. И сейчас нет смысла говорить о том, что вылилось художественное: «Несмертельный Голован», родившийся из орловских воспоминаний, или «Скоморох Памфалон», созданный на основе «флорентинской легенды», или «Кадетский монастырь», собравшийся по крупницам из рассказов бывшего кадета, общественного деятеля Г. Д. Похитонova. Важно, что сложный и противоречивый писатель в зрелом периоде жизни постепенно нашел своего героя, при поддержке мыслителей прошлого обрел ясное понимание своей писательской правды и задачи, зажег свою «лучину» вослед «фонарю» А. Толстого и, не обращая внимания на «соблазнителей смысла», двинулся дальше своей дорогой...

...Собираясь на дачу или к друзьям, Лесков укладывал в саквояж любимые книги, которые обязательно должны были его сопровождать всюду...

Михаил
ПОДГОРОДНИКОВ